

стыми, невинными въ ихъ увлеченіяхъ, нѣсколько легкими, но прелестными: „Такихъ поэтовъ называютъ поэтами юности, а они—лгуны, сами когда-то претерпѣвшіе, проливавшіе слезы, и теперь въ ихъ памяти должны храниться однѣ печальныя улыбки и сожалѣнія... Они окружаютъ ореоломъ свои демоническія „двадцать лѣтъ“ и снабжаютъ ихъ крылышками, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, сами они прожили въ страданіяхъ и выросли посреди отчаянія. Предметомъ ихъ страсти были негодницы. Онѣ ихъ обманывали, оскорбляли, забрасывали грязью, а поэты создали изъ всего этого цѣлый міръ лжи, съ юными грѣшницами, дѣвами,—божественными и въ самой ихъ беззаботности и легкомысліи. Вы знаете ихъ всѣхъ, этихъ Мими Пенсонъ, Мюзеттъ... Онѣ щедро расточали предъ ними свою красоту, свою свѣжесть, нѣжность и искренность... „Ложь! ложь! ложь!“... Зола вездѣ усиливается, такимъ образомъ, показать намъ оборотную сторону медали, и дѣлается поэтомъ „оборотной стороны“. Но, въ сущности, упомянутое произведеніе Зола—плодъ его личныхъ воспоминаній—выдаетъ съ полнѣйшею очевидностью то направленіе, въ какомъ авторъ желалъ обрабатывать свой предметъ, и свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ рано пробудился въ немъ духъ пессимизма. Хотя позже кругозоръ у Зола, какъ и у другихъ писателей, мало-по-малу начинаетъ расширяться, онъ выводитъ на сцену массу фигуръ, существенно отличныхъ отъ него самого,—тутъ встрѣчаются и зданія, и цѣлыя страны, магазины, фабрики, сады и копи, земля и море, все царство растительное и животное,—но мы вынуждены, несмотря на все то, вездѣ встрѣчаться съ лицомъ автора. Какъ Протей въ „Одиссеѣ“, поэтъ—то превращается въ дикое животное, то бѣжитъ какъ ручей, то взлетаетъ какъ птица и садится на дерево.

Сопоставимъ теперь у Зола „темпераментъ“ автора и реальный міръ въ примѣрахъ, извлеченныхъ изъ его же первыхъ романовъ.

Перенесемъ мысленно въ эпоху декабрьскаго переворота 1852 года. Зола желаетъ описать намъ выступленіе инсургентовъ на югъ Франціи противъ войскъ „переворота“. Инсургенты составляютъ небольшой отрядъ, въ двѣ-три тысячи человекъ,двигающихся впередъ безъ всякаго плана; при первой встрѣчѣ съ регулярнымъ войскомъ они и были частью изрублены, частью разбѣжаны. Не трудно было бы изобразить эту горсть людей съ тѣмъ, чтобы дать понятіе о ихъ дѣйствительномъ ничтожествѣ и безилии. Но Зола этого вовсе не желаетъ. Онъ хочетъ, чтобы эта горсть явилась въ глазахъ читателя громадною, мощною, ге-